

Гу Янь, успокоенный стараниями Сюй Сяочжэня, в конце концов сдался: позволил Шэнь Ле остаться на ужин — но только до него.

Шэнь Ле не отрывал взгляда от губ Сюй Сяочжэня, припухших и влажных от укусов; от лёгкого румянца, проступившего на щеках, от затуманенного взгляда, в котором всё ещё дрожало нетерпеливое, расплавленное желание. Внутри он едва сдерживал раздражение.

Разница с тем, как если бы они только что спали вместе, была едва уловима.

С неудовольствием он вспоминал, как его бестолковый брат всякий раз спешил отдать Сюй Сяочжэню свои поцелуи, стоило тому лишь появиться рядом. Тут же, не колеблясь, Шэнь Ле мысленно желал Гу Яню быстрой и безвременной импотенции.

Сюй Сяочжэнь вышел из спальни, с опущенными глазами, и направился на кухню.

Шэнь Ле, позабыв о гневе, повеселел. С его точки зрения, такой капризный чурбан альфа не мог быть ему настоящим соперником. Он широко улыбнулся и поспешил за ним:

— Братик, дай я тебе помогу!

Гу Янь лишь скользнул по нему взглядом, молча включив проектор в гостиную.

Внешне между Шэнь Ле и Сюй Сяочжэнем не было ни малейшего сходства. Но иногда, когда Шэнь Ле улыбался, в его лице проступало что-то до боли знакомое: та же мягкая складка в уголках глаз, те же восемь белых зубов — открытая, беззащитная улыбка, в которой на миг чудилось отражение Сюй Сяочжэня.

Вот только, по мнению Гу Яня, Сюй Сяочжэнь улыбался искренне, а Шэнь Ле напоминал пародию — словно тусклое эхо в кривом зеркале.

Мачеха Шэнь Ле почти всю беременность провела в слезах: отчим пил и постоянно проигрывался. Неудивительно, что ребёнок родился болезненным и слабым. Выжил он чудом, но среди других детей всегда казался особенно хрупким.

Именно поэтому Сюй Сяочжэнь не мог заставить его работать на кухне — сердце не поднималось. Он мягко пытался вытолкнуть Шэнь Ле обратно в гостиную.

Но тот, высокий и упрямый, стоял, будто врос в пол. Сдвинуть его было невозможно.

— Братик, ну пожалуйста, позволь мне помочь. Не могу смотреть, как ты один с этим всем возишься, — сказал Шэнь Ле и уже начал разбирать овощи.

Сюй Сяочжэнь сдался — сердце не выдержало. Как его прогнать?

Шэнь Ле буквально следовал за ним по пятам, не отходя ни на шаг. Где бы ни оказался Сюй Сяочжэнь — он тут же оказывался рядом.

— Ты всегда так устаёшь, братик? — с тихим сочувствием спросил он, опуская взгляд, будто ему и впрямь было жаль.

Сюй Сяочжэнь остановился:

— Устаю? С чего ты взял?

— Тебе ведь каждый день приходится готовить самому... А твой парень даже не помогает. Я не осуждаю его, раз уж ты его любишь, — Шэнь Ле вздохнул и посмотрел на него с тревогой, — просто жаль тебя. Всё на тебе. Если бы мы жили вместе, я бы не дал тебе так выматываться.

Если бы у него были ушки, они, наверное, давно бы поникли от печали.

Сюй Сяочжэнь почувствовал, как в груди поднимается тёплая, неясная волна. Шэнь Ле с детства умел быть чутким. Он мягко потрепал его по голове:

— Брат не устает. Ты ещё не совсем понимаешь, как всё устроено между взрослыми.

Шэнь Ле сразу же обнял его за талию, прижался щекой к плечу, как раньше — в детстве, когда искал защиты:

— Мне уже двадцать, я не ребёнок. Просто волнуюсь за тебя. Было бы хорошо жить вместе, как раньше... Ты бы опять обнимал меня на ночь.

Он замолчал, не отрываясь:

— Братик... Мне кажется, твой парень меня не любит. Я смогу всё равно приходить к тебе?

Сюй Сяочжэнь не нашёл в себе сил соврать — сказать, будто Гу Янь и правда его любит. Не мог и назвать его хорошим человеком. Он ответил уклончиво, но с теплотой:

— Тогда я сам буду приходить к тебе почаще, хорошо?

Шэнь Ле сразу закивал, губы растянулись в довольной улыбке:

— Всё равно ты у меня самый лучший. Просто... мне немного страшно рядом с ним. У него феромоны тяжёлые, словно давят. И он будто нарочно пускает их на меня. А если вы поженитесь, он ведь совсем не позволит тебе меня видеть?

Сюй Сяочжэнь, не имея желез, не чувствовал альфа феромонов. Но даже он ощущал: воздух в доме будто натянут — две волны альфа-феромонов сталкивались, переплетаясь в напряжённой тишине.

Шэнь Ле это знал. И именно поэтому позволял себе говорить всё, что хотел, — Сюй Сяочжэнь ничего не заподозрит.

Сюй Сяочжэнь нахмурился. Неужели Гу Янь и впрямь настолько мелочен? Получается, сам он может приводить кого угодно, а родному брату Сюй Сяочжэня — даже на порог нельзя?

Шэнь Ле ведь ещё совсем ребёнок... Зачем с ним так?

— Я поговорю с ним, — мягко сказал он. — Возможно, он и сам не замечает, как себя ведёт.

Шэнь Ле замотал головой и, тронутый, чмокнул его в щёку:

— Ты у меня самый добрый. Вот бы мои приёмные родители хоть немного были на тебя похожи...

Он тяжело вздохнул:

— Хотя, наверное, не стоит. У твоего парня, похоже, характер не сахар. У меня и так от запаха других альфов голова трещит, но я куда больше боюсь, что из-за меня вы поссоритесь. Если моё появление разрушит ваши отношения, я себя и видеть не смогу...

Он сделал шаг ближе, прижался к нему:

— Поцелуй меня, братик, — прошептал Шэнь Ле. — Тогда всё пройдёт. Обещаю.

Сердце Сюй Сяочжэня сжалось от нежности. Ну как кто-то может быть таким ласковым, послушным, таким трогательно заботливым? Он вдруг снова увидел в Шэнь Ле того малыша, каким знал его в детстве — и так же не смог устоять. Подняв голову, он поцеловал его в щёку:

— Всё хорошо. Я сам с ним поговорю.

Но едва взгляд скользнул к дверям, как он заметил Гу Яня.

Тот стоял, опершись о косяк, неясно сколько времени уже наблюдая за ними. В его руке — стакан, стекло пошло трещинами от напряжённого, едва сдерживаемого усилия.

Он-то думал, что Сюй Сяочжэнь и его неудачливый брат — просто родственники. В крайнем случае, подержатся за руки, ну, обнимутся по старой памяти... А то, что он сейчас увидел?

Сюй Сяочжэнь и этот лисёнок обнимаются. Целуются.

Они вообще помнят, что он в доме? Что дальше — прямо здесь начнут?

Отвратительно.

Шэнь Ле, словно ничего не произошло, прищурился и бросил ему вызывающую усмешку. От него хлестал аромат феромонов — густой, сладковатый, с примесью зелёного чая и лотоса. Приторная, тягучая волна, в которой без слов читались дерзость, насмешка и вызов.

Гу Янь не остался в долгу. В ту же секунду воздух наполнился тяжёлым, плотным запахом его феромонов. Пространство между ними натянулось — две хищные силы сцепились в безмолвной схватке, как звери, охраняющие свою территорию.

Даже Сюй Сяочжэнь, бета, совершенно нечувствительный к феромонам, ощутил в воздухе неладное. Что-то изменилось — напряжение стало ощутимым даже физически. Он не успел и слова вымолвить, чтобы разрядить обстановку, как Шэнь Ле вдруг побледнел, пошатнулся, будто под ним подломились ноги.

— Всё в порядке, братик... — прошептал он, прикусив губу и стараясь выглядеть как можно более беззащитным.

Сюй Сяочжэнь тут же подался вперёд, встревожено вскинув голос:

— Гу Янь! Так нельзя!

Его тон был неожиданно резким, почти обвиняющим. Гу Янь вздрогнул, лицо исказилось от злости — в следующий миг он с силой швырнул стакан об пол. Стекло взорвалось грохотом, осколки посыпались на пол. Сюй Сяочжэнь отпрянул, испуганно глядя на него.

Гу Янь резко шагнул вперёд, схватил Шэнь Ле за ворот куртки — мышцы на предплечье вздулись, лицо помрачнело:

— Попробуй ещё раз это изобразить, ублюдок.

Он не верил ни на секунду. Ни один альфа с рангом, близким к его собственному, не может быть настолько слаб — если только не играет. Этот лисёнок лишь притворяется, а его «покорность» — всего лишь спектакль.

— Братик... — голос Шэнь Ле дрожал, как у прижатого к земле зверька.

У Сюй Сяочжэня оборвалось сердце. Он бросился вперёд, резко оттолкнул Гу Яня и встал между ними, заслоняя Шэнь Ле собой:

— Ты не имеешь права! Он мой брат. Злись на меня, если хочешь, но не смей его трогать! Он единственный, кто у меня остался. Самый близкий человек.

Гу Янь остолбенел.

Сюй Сяочжэнь всегда был с ним осторожен, говорил тихо, будто боялся нарушить хрупкое равновесие между ними. А сейчас — вставал перед ним, защищая другого. Защищая его — и как.

Он тяжело дышал. Перед глазами всё плыло, грудь сдавила знакомая, мучительная тяжесть: злость, обида, непонимание.

Как он мог?

Как Сюй Сяочжэнь мог встать против него — ради этого лиса?

Его ресницы дрогнули, в глазах вспыхнуло и тут же осело что-то горячее. Привычно сдержанный, упрямо гордый — сейчас Гу Янь казался почти... ранимым.

Сюй Сяочжэнь, никогда прежде не видевший его таким, вдруг ощутил, как внутри что-то сжалось, размягчилось. Он шагнул ближе и, уже другим голосом — мягким, осторожным — произнёс:

— А Янь...

Это был первый раз, когда он назвал его так — по-настоящему тепло.

Шэнь Ле тихо хмыкнул, пошатнулся с нарочитой неустойчивостью и опёрся на край кухонного острова.

Разумеется, внимание Сюй Сяочжэня переключилось мгновенно. Он даже не договорил с Гу Янем — сразу шагнул к Шэнь Ле.

Тот едва успел оставить ему образ — почти нарочно кинематографичный: распахнутые глаза, ресницы, дрожащие от слёз, болезненная, ранимая мягкость во всём лице. Прижав ладонь к щеке, он резко развернулся и выбежал из комнаты.

Сюй Сяочжэнь напрягся. В одно мгновение Гу Янь исчез из поля зрения — будто его и не было. Он бросился за Шэнь Ле.

А Гу Янь остался стоять один. Оцепенев.

Он не мог понять, почему. Почему Сюй Сяочжэнь, тот самый Сюй Сяочжэнь, который раньше любил его — спокойно, без сомнений, будто всей душой — вдруг отдал предпочтение кому-то другому? Всего лишь из-за Шэнь Ле?

Он всегда думал, что для него Сюй Сяочжэнь — всё. И сам он, в ответ, был у Сюй Сяочжэня на первом месте. Единственный. Неприкосновенный.

А теперь?

Теперь стоит кому-то запустить слезу — и всё рушится?

□

Сюй Сяочжэнь, глядя на заплаканного Шэнь Ле, ощущал особый, почти инстинктивный страх.

Когда обычный человек плачет, это выглядит как слабость. Но Шэнь Ле с детства был иным: стоило ему разрыдаться — поднималась температура, начинались приступы. В 18-м секторе, где не хватало лекарств и врачей, это могло стать фатальным.

Поэтому его слёзы всегда пугали по-настоящему. Не как эмоция, а как опасность.

Он нашёл его недалеко — между двумя клумбами, в тени у стены. Шэнь Ле сидел на корточках, обняв колени, спрятав лицо в ладонях. Тихие, неровные всхлипы едва различались в вечерней тишине.

Они были похожи, когда плакали: старались не мешать другим, прятались в угол, сжимались сами в себе, дрожали — бесшумно, будто извиняясь за свои чувства.

Сюй Сяочжэнь опустился рядом, осторожно провёл рукой по его волосам, обнял:

— А Ле... не надо. Если расплачешься — снова заболеешь.

Шэнь Ле мысленно усмехнулся. До чего же наивный у него брат. Взрослый альфа, а всё ещё верит, будто он такой же хрупкий, как в детстве. Как будто от пары слёз у него и правда может подняться температура.

Он чуть склонил голову, изогнул губы в кроткой, почти смилившейся улыбке. Взгляд — затуманенный, покрасневший от слёз, будто только что прошёл через боль, но всё простил:

— Прости, братик...

— За что? Почему ты всё время извиняешься? — Сюй Сяочжэнь провёл ладонью по его щеке.

Шэнь Ле тут же прижался к этой ладони, уткнулся в неё всем лицом, словно впитывал тепло — и заплакал уже по-настоящему. Слёзы текли обильно, как будто кто-то срезал внутреннюю преграду:

— Я плохой... вот почему он меня не любит... Может, я вообще не должен был рождаться? Никто меня не любит. Ни папа, ни мама... приёмные — тем более... теперь и твой парень...

Глаза Сюй Сяочжэня увлажнились. Он знал, как это бывает в 18-м секторе: слабый ребёнок — обуза. Его не лечат. Его стыдятся. Его боятся. И очень быстро от него устают.

У Шэнь Ле был именно такой случай: отец вспыльчивый, пьющий. Мачеха — добрая в прошлом, но сломленная, выжатая до тени самой себя. Ребёнок с особенностями? Это было слишком. Стоило на минуту оставить его без внимания, он устраивал истерику, кричал, хватался за голову. И чем меньше ему давали тепла, тем сильнее он в нём нуждался.

Сюй Сяочжэнь помнил, как таскал его за собой повсюду, как пытался заменить ему мать. И понимал: ни в приёмной семье, ни в новой жизни Шэнь Ле не стало легче.

Он взял его лицо в ладони, глядя прямо в глаза:

— Нет. Это не ты виноват. Братик любит тебя. Всегда любил. Ты — хороший, А-Ле. Ты самый родной для меня.

Слова были тихими, почти колыбельными — и от этого ещё более разрушительными. Шэнь Ле зарыдал, тело дрожало, ресницы слиплись от слёз. Он вскинул на него взгляд, полный боли:

— Но ты же сам говорил... что мы всегда будем вместе... А теперь ты с ним. А он меня не любит... он меня ненавидит... и ты теперь с ним...

Сюй Сяочжэнь обнял его крепче, прижимая к себе, гладил по спине:

— Прости... Это я виноват. Братик плохой...

Шэнь Ле сжался в его руках — обмякший, почти безвольный. Но внутри, под этим внешним смирением, klokотало.

Он его признал. Признал виноватым.

А значит, есть шанс.

И внутри него уже не плачущий ребёнок — а что-то хищное, острое, свернувшееся кольцами, шипело:

Ты признал это. Значит, ты знаешь.

Значит, понимаешь.

Тогда скажи: бросишь его?

Скажи, что уйдёшь от Гу Яня.

Скажи, что будешь только со мной.

Скажи, что больше никогда меня не оставишь.

Скажи. Скажи это. СЮЙ СЯОЧЖЭНЬ.

Ты лицемер. Ты предатель.

Но сколько бы он ни ждал — ответа не последовало. Тогда он заговорил сам:

— Братик... А давай ты переедешь ко мне? Жить со мной. Я правда переживаю... Мне страшно за тебя. А если твой парень вдруг ударит тебя? Он ведь может. А если ты будешь со мной, я буду заботиться о тебе. Обещаю.

Сюй Сяочжэнь замялся.

Ему и самому хотелось бы — жить вместе, как раньше. Без недомолвок, без давления, просто

быть рядом. Но... Гу Янь.

Если он уйдёт, тот сорвётся. Опять начнёт пить, не есть, не спать. Он уже видел, как тот держится только на упрямстве — и на нём самом. И потом — дом, где живёт Шэнь Ле, принадлежит его приёмным родителям. Сюй Сяочжэнь для них никто. Как он туда переедет? На правах кого?

Он с трудом улыбнулся:

— Мы ведь каждый день в институте видимся. А на выходных я буду навещать тебя, хорошо? Не злись на невестку, он просто такой... Не злой. Просто суровый. А сердце у него доброе.

Но даже сейчас, даже после всего, он всё равно не готов оставить Гу Яня ради него. Что же такого в этом упрямом, вспыльчивом дураке? Разве он важнее, чем я? — жгло изнутри Шэнь Ле.

Если бы его злоба могла принять форму, она бы обратилась в чёрную кислоту, сожравшую бы Гу Яня до костей.

Он хотел бы вылить ещё пару капель яда, но понимал: нельзя. Надо быть тихим, послушным, ласковым. Только тогда Сюй Сяочжэнь будет его жалеть, заботиться, сравнивать... И когда-нибудь — выбрать.

Однажды они обязательно расстанутся. И в сердце Сюй Сяочжэня останусь только я.

— Братик, я буду хорошим... Только не бросай меня из-за него, ладно? — взгляд Шэнь Ле был до боли жалким, как у щенка на морозе. — Ты уже один раз оставил меня... Пожалуйста, не бросай снова.

Сюй Сяочжэнь даже не знал, как описать это чувство. Грудь будто резали изнутри. Хотелось разломать собственное сердце на кусочки и отдать ему — лишь бы тот больше не страдал.

— Никогда, А-Ле. Я никуда тебя не брошу, — он поднял его, поправил воротник. — Только уехав из Восемнадцатого сектора, ты сможешь нормально жить. Еда, сон, врачи — ты ведь заслуживаешь всего этого, без страха.

Шэнь Ле сжал его руку, хотел что-то сказать, но передумал:

— Тогда, братик, навещай меня...

Сюй Сяочжэнь проводил его до машины, лишь когда та скрылась из виду, он развернулся и медленно пошёл домой.

И только тогда вспомнил: ради Шэнь Ле он бросил Гу Яня. Буквально выбежал из дома, не объяснившись. Он прикусил губу — и внутри всё оборвалось.

Он даже представить себе не мог, в каком состоянии сейчас дом.

Разгром. Тишина перед бурей. Стены, впитавшие злобу. Вещи, ставшие жертвами гнева.

Внутри него скопилось странное, липкое предчувствие. Он знал — это будет худшая ссора за всё время. Он перегнул палку.

Ладони вспотели, под тонкой рубашкой проступил холодный пот. Он опустил голову, медленно шагал. Тень, длинная и хрупкая, тянулась за ним по полу.

Между двумя мужчинами, такими разными, он больше не знал, где найти баланс. Решение было одно: никогда больше не пускать их под одну крышу.

Один — слабый, добрый, искренне нуждающийся в любви брат. Второй — ревнивый, вспыльчивый, эгоистичный партнёр.

И всё же он не мог ни от кого отказаться. Особенно от Гу Яня. Тот много раз был неправ, но Сюй Сяочжэнь любил его. Любил настолько, что не мог отрезать.

Разум подсказывал: надо бороться. Но сердце знало: стоит поругаться по-настоящему — он потеряет его.

Он глубоко вдохнул и решительно открыл дверь.

Но дома было тихо. Ничего не разбито. Всё так же чисто и аккуратно.

Только Гу Янь сидел на диване, скрестив руки на груди, с лицом, тёмным как грозовое небо.

— Сюй Сяочжэнь, — произнёс он.

Тело Сюй Сяочжэня вздрогнуло, губы побелели.

Он ненавидел... ненавидел эти ссоры до дрожи.

А Гу Янь сам был на грани. Злость, страх, бессилие путались в голове. Он хотел всё разбить, хотел выгнать его, хотел... наказать.

Но больше всего он хотел знать: кто из них важнее?

Если сейчас выставить его за дверь — Сюй Сяочжэнь или всю ночь будет сидеть на пороге... или уйдёт к этому хитрому лису.

Он вскочил, подошёл, схватил Сюй Сяочжэня за запястье так сильно, что пальцы врезались в кожу. Глаза налились кровью:

— Ты что, самый умный?! Ушёл к этой мрази — так и не возвращайся! Чего приперся, а?! Вон отсюда!! Я сказал — ВОН!!!

Сюй Сяочжэнь застыл. Это уже было не просто вспышкой — в этом была злость, переходящая в бешенство.

Но впервые он не отступил. Поднял голову, упрямо глядя в глаза Гу Яню:

— Я могу уйти. Но ты не имеешь права оскорблять его. Он — мой брат. Ты видел, в каком он состоянии? Что, по-твоему, я должен был делать?

Лицо Гу Яня исказилось от эмоций. Казалось, он хотел что-то крикнуть, но вдруг замер. И, на удивление, произнёс странную, почти бессвязную фразу:

— Почему ты так со мной? Сюй Сяочжэнь... Вот ты какой...

И в этих словах прозвучало нечто, чего Сюй Сяочжэнь не ожидал — обида. Настоящая, детская, уязвимая.

Он не знал, что ответить.

Гу Янь метнул в его сторону последний взгляд, полный злости и боли, схватил куртку и хлопнул дверью, уходя прочь.